

Лин Цзыхань сам налил себе из кулера чашку крепкого чая, подошел к окну и устроился на подоконнике. — Дядя Тун, — с улыбкой произнес он, — если вам есть что сказать, говорите. Вы ведь согласились выйти замуж за моего отца?

Лицо Тун Юэ слегка покраснело:

— Вот же ты, о своих делах не думаешь, а в чужие встречаешь.

— Какие же это чужие? — Лин Цзыхань смотрел на него приветливо. — Это же судьба моего отца. Если он вас упустит, где еще найдет такого хорошего человека?

Тун Юэ смутился еще больше:

— Цзыхань, не говори так. Я не так уж хорош, твой отец — настоящий выдающийся человек.

— Выдающийся — выдающимся, но это не значит, что он сможет осчастливить того, кого любит. — Лин Цзыхань повернулся к окну и продолжил спокойным тоном:

— Дядя Тун, мой отъезд — это ерунда. Человек умирает — и все, как лампа гаснет. Для меня это не так уж важно. Но мой отец останется совершенно один, он слишком одинок, и я за него беспокоюсь. Поэтому, дядя Тун, я хочу попросить вас: позаботьтесь о нем. Мой отец — типичный человек дела, не мастер красивых слов, и, честно говоря, он вам не пара. Но доверить его могу только вам. Вы с ним уже много лет, и я давно все понял, просто раз он молчал, я тоже не заговаривал. Он не звал вас переехать к нам, наверное, из-за меня — боялся, что я вас не приму. А у меня и в мыслях такого не было. Если у него появятся новые чувства, новый смысл жизни, я буду только рад. Раньше я не знал, как к этому подступиться, а теперь, если не скажу, возможности больше не будет. Дядя Тун, переезжайте к нам.

На душе у Тун Юэ стало очень тяжело, но он не знал, с чего начать, и потому спросил наугад:

— Ты давно знал о наших отношениях?

— Понял с первого взгляда, — улыбнулся Лин Цзыхань. — Мне тогда уже пятнадцать было, чего тут не понять?

Тун Юэ тихо вздохнул:

— Умный ты и смысленный.

Лин Цзыхань повернулся к нему:

— Я вот только не пойму: такой хороший человек, как вы, как мог полюбить такого буку, как мой отец? Он и говорить-то не любит, выражение лица у него почти не меняется — наверное, с ним скучно?

Тун Юэ не сдержал улыбки:

— Нет-нет, когда он со мной, он очень остроумен и заботлив, просто не любит пустословить. Вообще-то, это я за ним ухаживал. Молод был, уперся — и все. Он поначалу отказывался. Я долго его добивался, пока он не согласился быть со мной.

Лин Цзыхань слегка приподнял бровь:

— Вот это неожиданно. Не думал.

Тун Юэ погрузился в воспоминания и спустя некоторое время тихо произнес:

— В то время я им восхищался.

Лин Цзыхань все понял и слегка покачал головой:

— Слово «герой» столько народу с толку сбilo.

Его слова, хоть и тихие, словно прозвучали эхом в безмолвной комнате. Оба на время замолчали.

Тем временем на горизонте заалела золотистая заря, медленно окутывая огромный город.

Тун Юэ взглянул на Лин Цзыхана. Утренний свет мягко ложился на него, окружая легким сиянием, и на фоне белоснежного пейзажа за стеклом он казался ангелом, не от мира сего.

Спустя некоторое время Тун Юэ наконец произнес со всей серьезностью:

— Цзыхань, даже если это нарушение правил, я должен сказать: я не одобряю это дело. Тебе совершенно не стоит браться за задание.

Лин Цзыхань ответил бесстрастно:

— Кому-то ведь придется пожертвовать собой. Если я откажусь, операцию не отменят — пошлют кого-то другого. Раз я первый кандидат, значит, у меня наибольшие шансы на успех. Если пошлют другого, вероятность успеха снизится. Жертва — не главное. Главное, чтобы операция удалась.

Тун Юэ печально покачал головой:

— Слишком дорогая цена.

— Дядя Тун, вы так считаете лишь потому, что знаете меня и испытываете ко мне чувства. — Лин Цзыхань по-прежнему говорил спокойно и с улыбкой. — На самом деле, моя роль мало чем отличается от подопытной мыши в вашей медицинской лаборатории. Это тоже жертва, но бесполезная.

Тун Юэ заволновался:

— Ты не подопытная мышь, ты человек.

Лин Цзыхань оставался невозмутим:

— Даже человек в своей основе не так уж далек от амебы. Чтобы весь вид продолжал существовать, всегда найдется та особь, что пожертвует собой, и это будет сильнейшая особь.

Тун Юэ помрачнел еще больше:

— Ты не амеба, ты человек.

Лин Цзыхань не удержался и рассмеялся:

— Дядя Тун, вы поддаетесь чувствам. На самом деле, во все времена все живые существа одинаковы: кому-то приходится жертвовать собой, чтобы сохранить род и дать ему развиваться.

— И ты еще смеешься, — с болью в голосе сказал Тун Юэ. — Да, я поддаюсь чувствам. Не хочу я слушать эти высокие материи, хочу лишь, чтобы ты выжил. Ты еще так молод и так талантлив.

Лин Цзыхань взглянул в окно и произнес бесстрастно:

— Талантливым положено умирать на поле боя, а не в старости, в постели.

Рука Тун Юэ, державшая кофейную чашку, слегка задрожала:

— Цзыхань, так не должно быть. Ты еще так молод, зачем тебе жертвовать собой?

Лин Цзыхань спокойно спросил:

— Дядя Тун, если ради страны потребуется, чтобы вы пожертвовали собой, вы откажетесь?

Тун Юэ на мгновение задумался и вздохнул:

— Нет, не откажусь.

Лин Цзыхань тихо улыбнулся:

— Дядя Тун, давайте не будем больше об этом. Решение принято, и думать тут не о чем. В конце концов, мы все просто делаем что можем на своих местах.

— Цзыхань, это не одно и то же, — Тун Юэ встал, подошел и обнял его за плечи. — Я хочу, чтобы ты вернулся живым.

Лин Цзыхань же был спокоен:

— Шансы выжить невелики. Да и не хочу я выживать.

Тун Юэ был потрясен:

— Цзыхань, зачем ты так говоришь?

Лин Цзыхань улыбнулся:

— Вчера я немного побаловался хакерством, поискал в сети материалы — и открытые, и секретные, включая файлы, что у вас в больничном компьютере. Дядя Тун, вы ведь и сами прекрасно знаете: даже если после операции я выживу, жизнь будет не лучше смерти. Я не хочу так жить. Лучше уж умереть.

У Тун Юэ покраснели глаза:

— Цзыхань, ты еще так молод.

Лин Цзыхань прислонился к нему и тихо рассмеялся:

— Дядя Тун, не печальтесь обо мне. Жизнь должна быть хорошей, а не долгой. Я считаю, что прожил достойно и ни о чем не жалею.

Тун Юэ крепко обнял его, переполненный нежностью и болью:

— Твой отец... слишком жестокосерд.

— Не говорите так. Отец... ему тоже тяжело, просто внешне он этого не показывает. Но на самом деле и говорить нечего — я и так все понимаю. — Лин Цзыхань говорил мягко. — Дядя Тун, когда я уйду, отец будет на вашем попечении.

На глазах у Тун Юэ заблестели слезы. Он прижал юношу к груди и спустя некоторое время промолвил:

— Цзыхань, я хочу сохранить твой генетический материал.

Лин Цзыхань на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Не надо. Я не планировал заводить детей. А вот вам, дядя Тун, ребенка завести стоит — такого же, как вы, чтобы вырос отличным врачом. Я всегда считал, что врач — одна из самых благородных профессий на свете.

Тун Юэ был настолько подавлен, что не мог вымолвить ни слова.

Лин Цзыхань тоже замолчал, лишь прижимаясь к нему и всем существом ощущая его нежность и заботу. На душе у него было тепло и светло.

Вскоре на часах прозвучал сигнал.

Он нажал кнопку, и на экране возникло лицо Вэй Тяньюя.

— Эй, Цзыхань, выходи.

Лин Цзыхань улыбнулся:

— Ты где?

Вэй Тяньюй тоже сиял улыбкой:

— У Ло Ханя дома. Сегодня все здесь собрались, хотим как следует с тобой повидаться.

— Ладно, — обрадовался Лин Цзыхань. — Скоро буду.

Солан Чжома оттолкнула Вэй Тяньюя и появилась на экране, оживленно выпалив:

— Цзыхань, не завтракай, иди к нам, мы сегодня много всего вкусного приготовили.

Лин Цзыхань рассмеялся:

— Хорошо.

Послышались голоса других охотников, наперебой говоривших:

— Давай быстрее, ждем тебя! Если не придешь, Чжома есть не даст, только смотреть будем — просто пытка!